

Савицкий Иван Владимирович

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРЫМСКИХ СОБЫТИЙ 2014 ГОДА В РОССИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ПУБЛИЦИСТИКЕ

Данная статья является первой междисциплинарной публикацией, специально посвященной проблеме терминологического определения крымских событий 2014 года. Анализируются официальные и оппозиционные, российские и украинские точки зрения на определение "крымской весны", показаны их аргументация, сильные и слабые стороны. Автор приходит к выводу, что, в отличие от украинской стороны, у российской на сегодняшний день нет единого научного определения процесса принятия Крыма в состав России. Подобное явление может говорить о слабом опыте изучения положительных последствий присоединения различных территорий к России в разные периоды ее истории.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/5/41.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(79) С. 149-151. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

УДК 930

Исторические науки и археология

Данная статья является первой междисциплинарной публикацией, специально посвященной проблеме терминологического определения крымских событий 2014 года. Анализируются официальные и оппозиционные, российские и украинские точки зрения на определение «крымской весны», показаны их аргументация, сильные и слабые стороны. Автор приходит к выводу, что, в отличие от украинской стороны, у российской на сегодняшний день нет единого научного определения процесса принятия Крыма в состав России. Подобное явление может говорить о слабом опыте изучения положительных последствий присоединения различных территорий к России в разные периоды ее истории.

Ключевые слова и фразы: Крым; историография; оппозиция; воссоединение; терминология.

Савицкий Иван Владимирович, к.и.н.

Петрозаводский государственный университет

sawiz@onego.ru

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРЫМСКИХ СОБЫТИЙ 2014 ГОДА В РОССИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ПУБЛИЦИСТИКЕ

Более трех лет отделяют нас от «крымской весны». Отгремели праздничные мероприятия, однако для историков и политиков остается актуальным вопрос о сущности прошедших событий. Проблема терминологии всегда выражала отношение представителей общества к конкретному сюжету, показывала дефиниции в представлениях о сущности изучаемых явлений.

Является ли вышедшая на сегодняшний момент историческая литература научной? Эйфория от прошедшего события пошла на спад, но еще не закончилась, экономические и политические последствия событий 2014 года до конца себя не проявили, и до системного понимания прошедшего события должно пройти время. Из-за этого опубликованные работы, посвященные «крымской весне», иногда напоминают историческую публицистику даже под пером известных историков. Поэтому в данной статье анализируются лишь те работы, авторы которых стремятся обосновать свое отношение к используемым определениям. Материал носит междисциплинарный характер: сами авторы могут не относить себя к историкам, однако их работы, созданные в первые годы после вхождения Крыма в состав России, представляют интерес для историков, независимо от их научной направленности.

В отечественной журналистской среде при ответе на вопрос типа «Что это было?» активно используются термины «присоединение» (с подтекстом о силовой составляющей) и «воссоединение» (по аналогии с предыдущими веками российской истории); термины «захват» и «аннексия» на фоне общественной эйфории не прижились. Анализируя основные особенности прошедшего события в издании «Новое время» (“The New Times”), профессор МГИМО А. Б. Зубов предложил использовать термин «аншлюс» [5], за что был уволен в марте 2014 года, восстановлен под давлением общественности в апреле и снова уволен в конце июня того же года в связи с истечением срока действия контракта. Не вдаваясь в причины, почему специалист по востоковедению и истории религии решил озвучить свое личное мнение по актуальнейшему вопросу 2014 года, все же стоит указать на сложившуюся традицию определения «аншлюс» как события 1938 года; внешнее сходство с крымскими событиями (последствия мирового экономического кризиса, общность языка и ряда традиций у объединяющихся территорий, успешное проведение референдума, смена руководства присоединяемой области, использование силовых структур) не меняет в общественном и научном сознании этого стереотипа, вызывая посторонние ассоциации.

Кроме того, неприятие российскими исследователями терминов «аншлюс», «аннексия» и «оккупация» основано на соблюдении условий российско-украинского соглашения 1999 года о параметрах раздела Черноморского флота, активной деятельности гражданского общества в Крыму (в том числе пророссийских общественных организаций) и итогах проведения референдума 16 марта 2014 года.

Интересный вариант определения процессу дал Президент Российской Федерации В. В. Путин, поздравивший крымчан с «возвращением домой». Речь о Крыме была быстро провозглашена одной из лучших в его политической карьере и разобрана на отдельные «крылатые фразы». Термин «возвращение» (свободный от посторонних аналогий) удачно вошел в патриотическую публицистику [3; 15], подробно проанализирован в работе Н. А. Сегал [12], но на данный момент в научной литературе не является общепринятым.

В этой связи полезными стали исследования Т. А. Валиулиной (МГЛУ) [2] и М. Г. Фортуновой (СПбГУ) [16], представивших свои результаты контент-анализа основных российских периодических изданий и интернет-площадок к началу 2016 года. Основная борьба разгорелась между терминами «аннексия», «оккупация», «захват» (оппозиционные СМИ) и «воссоединение», «присоединение» («патриотические» проправительственные СМИ) при сильном перевесе последнего. Любопытно, что определение «аннексия» используется обеими сторонами, но у оппозиционных СМИ его упоминание в три-четыре раза выше. Важным отличием работы Т. А. Валиулиной является выделение немногочисленной нейтральной стороны в интернет-дискуссиях.

Необходимо отметить, что большинство авторов игнорирует официально принятое юридическое определение событий 2014 года как «принятие в Российскую Федерацию Республики Крым», закрепленное в знаменитом договоре от 18 марта и федеральном законе от 21 марта 2014 года. Данное определение основано на признании кратковременной независимости Крыма и города Севастополя, а также итогах референдума 16 марта. Кроме того, использование термина «принятие» подчеркивает первый случай включения в состав Российской Федерации (в отличие от Российской империи и СССР) новых территорий, получивших статус субъектов [7, с. 89]. И если у юристов подобный эпитет – простое копирование текста закона, то у российских историков он имеет оттенок пафосности и гордости за свою страну.

Между тем украинская публицистика оценивает действия России как оккупацию, аннексию и агрессию. И дело не в том, превысила ли численность российских войск в Крыму оговоренные пределы, а в их конкретном поведении. К нему отнесены захват административных зданий, блокада украинских воинских частей, флота и других объектов (якобы включая целый Севастополь), нарушение Будапештского меморандума 1994 года (не ратифицированного ни одним из участников), репрессии в отношении местного населения и даже гибель двух украинских военнослужащих [1; 4; 8; 9]. Оценка крымским событиям не была изменена даже в ходе признания украинскими авторами (в частности, со ссылками на слова А. Турчинова) значительной роли местного населения в блокировании действий украинских войск в Симферополе, перекрытии обоих сухопутных путей на полуостров и других акциях. Таким образом, десятки тысяч «одурманенных российской пропагандой» украинских граждан Крыма «оккупировали» часть своей страны.

Первоначально термин «аннексия» практически не использовался, и авторы рассматривали не только хронику «оккупации», но и ее последствия [9]. Однако затем украинские авторы постепенно стали отходить от упоминания этого официального термина, используемого в украинском законодательстве: как известно, под оккупацией подразумевается временная акция (в том числе в условиях мирного времени – *non-belligerent*), в то время как Россия не скрывала своих долгосрочных планов. Это косвенно показывает, что украинская сторона первоначально не верила в возможность длительного сохранения Крыма в составе Российской Федерации. Однако спустя уже полтора года эта позиция изменилась, а термин «аннексия» охватил события не только в Крыму, но и на Донбассе [4]. В частности, Т. Березовец признает, что «по наиболее оптимистичному сценарию возвращение Крыма в Украину может произойти не ранее, чем в среднесрочной перспективе, примерно через десять – пятнадцать лет, а по худшему – может не состояться вообще» [1, с. 35]. Думается, что Россия вполне согласна и на «худший» вариант.

Безусловно, на мнение украинской стороны российская публицистика ответила с необходимым пафосом. Самой яркой игрой терминов отличается «монография» (так в аннотации) военного историка А. Б. Широкограда. Избегая четкого определения событий «Русской весны», он использовал термин «захват» применительно и к зданию Верховного Совета Крыма, и украинских воинских частей. Однако называть российское поведение аннексией он не торопится. По мнению Широкограда, аргументов для этого «нет никаких, если не считать деяний древних укров на Крымском полуострове со времен аргонавтов и до гетмана Сагайдачного» [18, с. 198]. Аннексии не было; было завершение «двадцатитрехлетней оккупации Крыма» Украиной [Там же, с. 223]. При такой формулировке общий язык с украинскими коллегами российские историки найдут не скоро, однако более взвешенные подходы других авторов все же оставляют возможности для диалога.

Изучение украинских точек зрения российскими историками началось с 2015 года. В частности, этому посвящена работа А. Н. Романова [11], проанализировавшего коллективный труд Института истории Национальной академии наук Украины [8]. Он отмечает справедливость точки зрения украинских коллег о создании благоприятных условий для отторжения Крыма от Украины и такую анализируемую ими причину крымских событий, как «промашки» киевской власти. Подобный подход сближает позиции историков двух стран и сохраняет возможность конструктивного научного диалога.

Односторонность использования терминов «аннексия» и «оккупация» подчеркивается в работе профессора С. А. Кислицына (РАНХиГС), указавшего на главенство военно-политического фактора во многих исследованиях (не обязательно украинских). Анализируя деятельность гражданского общества в Крыму, автор использует термин «реинтеграция», однако не обосновывает его. Из-за этого возникают дополнительные вопросы: почему не просто «интеграция»? Даже если Крым когда-то уже был в составе РСФСР, то было ли в нем то гражданское общество, которое ныне «реинтегрируется» в Россию? Скорее всего, автор имел в виду упрощенность процесса вхождения крымского общества в состав российского, однако не показал его механизм и результаты после «крымской весны». С другой стороны, куда конкретно должны были «реинтегрироваться» крымчане? Автор справедливо отмечает, что в современных условиях гражданское общество в самой России носит фрагментарный характер и в основном позитивно относится к политическому режиму власти [6, с. 48]. По всей видимости, поддержка политической линии российского руководства со стороны большинства крымчан и является основным условием их «реинтеграции».

На часть этих вопросов косвенно отвечают работы профессора Таврической академии Т. А. Сенюшкиной [13; 14]. Концентрируясь на изучении этнополитического развития крымского общества, она использует термин «воссоединение» как результат осознанного личного и коллективного выбора, основанного на преобладающей в регионе цивилизационной идентичности. При этом автору свойственен диалектический подход к предметам исследования, указание на конфликты и риски в проводимой политике, что выгодно отличает ее работы в методологическом отношении. Термин «воссоединение» в качестве нейтрального используют и другие авторы [10; 16].

Таким образом, в российской научной и научно-популярной мысли сосуществуют различные определения крымским событиям 2014 года, что нашло отражение и в английских переводах работ российских авторов с использованием слов *entering, reunion, inclusion, join, rejoin* и механического *reconnection*. При этом даже в статьях, ориентированных на правовой анализ событий, может содержаться плавный переход в употреблении терминов от «вхождения» до «воссоединения» и далее «возвращения», превращая их в литературные эпитеты с целью усиления воздействия на читателя, но никак не в научных целях [17]. Любопытной особенностью стало и то, что в качестве ключевых слов к своим публикациям даже патриотически настроенные авторы используют термины «аннексия» и «оккупация» как понятные в мировой практике; слова «возвращение», «принятие» такой чести не удостоились из-за слишком широкого смыслового диапазона. Отсюда ощущается необходимость создания научного эквивалента патриотическому лозунгу «Крымнаш».

Позиция украинских авторов выделяется большей монолитностью и основана на позитивном подходе к существующим правовым нормам, а также критическом отношении к «сепаратистской» деятельности крымчан и милитаристским действиям России. Эта позиция схожа с точкой зрения российской либеральной оппозиции, ставящей во главу угла соблюдение прав человека, но при этом не желающей вникать в аргументацию представителей гражданского общества Крыма. Однако даже если проукраинская оценка роли России в дальнейшем начнет усиливаться, это лишь укрепит в российском сознании позиции предложенного В. В. Путиным эпитета «возвращение»: благодаря своему широкому значению он не содержит явной отрицательной оценки действиям российской стороны, какими бы они ни были.

Список источников

1. Березовец Т. В. Анексія: Острів Крим. Хроніки «гібридної війни». Київ: Брайт Стар Паблішинг, 2016. 391 с.
2. Валиулина Т. А. Опыт оценки влияния медиапропаганды на содержание интернет-дискуссий (на примере анализа полемик о присоединении Крыма) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5 (129). С. 158-166.
3. Григорьев М. С., Ковитиди О. Ф. Крым: история возвращения. М.: Кучково поле, 2014. 400 с.
4. Донбасс и Крым: цена возвращения: монография / сокр. пер. с укр. яз.; под ред. В. П. Горбулина, А. С. Власюка, Э. М. Либановой и др. Киев: НИСИ, 2015. 221 с.
5. Зубов А. Б. Аншлюс без кавычек // Новое время: The New Times. 2014. № 8 (318). С. 16-19.
6. Кислицын С. А. Политическое значение деятельности гражданского общества Севастополя и Крыма в период борьбы за реинтеграцию Крымской автономной республики в Российскую Федерацию // Власть. 2016. № 8. С. 48-54.
7. Кониченко Ж. Д., Кониченко А. В., Зайцева Л. А. Политико-территориальная организация России как исторический феномен // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (51): в 2-х ч. Ч. 1. С. 86-90.
8. Крым: шлях крізь віки. Історія у запитаннях і відповідях / відп. ред. В. А. Смолій. Київ: Інститут історії України НАН України, 2014. 456 с.
9. Полуостров страха: хроника оккупации и нарушения прав человека в Крыму / С. Заец и др.; под общ. ред. Т. Печончик. Киев: Вайтэ, 2015. 83 с.
10. Романов А. Н. Георгиевские цвета снова над Крымом. Воссоединение Крыма с Россией. 2014 год // История Крыма: коллективная монография / под ред. С. З. Кодзовой. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. С. 452-461.
11. Романов А. Н. Головная боль Киева. Крым в составе Украины (1991-2014) // История Крыма: коллективная монография / под ред. С. З. Кодзовой. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. С. 431-451.
12. Сегал Н. А. Метафорический образ Крыма в текстах российских СМИ 2014-2016 гг. // Современная картина мира: крымский контекст: коллективная монография / под ред. Г. Ю. Богданович. Симферополь, 2017. Кн. 1. С. 238-258.
13. Сениюшкина Т. А. Воссоединение Крыма с Россией как этнополитический процесс // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2015. Т. 11. № 4. С. 75-91.
14. Сениюшкина Т. А. Цивилизационная идентичность как фактор крымского выбора // Проблема суверенности современной России: материалы Всероссийской научно-общественной конференции. М.: Наука и политика, 2014. С. 182-190.
15. Стариков Н., Беляев Д. Россия. Крым. История. СПб.: Питер, 2015. 256 с.
16. Фортунова М. Г. Российские СМИ о воссоединении Крыма с Россией: опыт контент-анализа // Международный журнал экономики и образования. 2016. Т. 2. № 2. С. 94-100.
17. Цыкунов Г. А. Историко-правовые основы вхождения Крыма в состав Российской Федерации // Известия Байкальского государственного университета. 2015. Т. 25. № 3. С. 550-555.
18. Широкоград А. Б. Крым – 2014. Как это было? М.: Вече, 2016. 352 с.

TERMINOLOGICAL DEFINITIONS OF THE CRIMEAN EVENTS OF 2014 IN RUSSIAN AND UKRAINIAN HISTORIOGRAPHY AND OPINION JOURNALISM

Savitskii Ivan Vladimirovich, Ph. D. in History
Petrozavodsk State University
sawiz@onego.ru

This article is the first interdisciplinary publication devoted specifically to the problem of the terminological definition of the Crimean events of 2014. The official and oppositional, Russian and Ukrainian points of view on the definition “the Crimean spring” are analyzed, their argumentation, strengths and weaknesses are shown. The author comes to the conclusion that, unlike the Ukrainian side, in Russia there is no single scientific definition of the process of integrating Crimea into Russia at present. Such a phenomenon shows weak experience of studying positive consequences of joining of various territories to Russia in different periods of its history.

Key words and phrases: Crimea; historiography; opposition; reunion; terminology.